

– Вы мой красивый портрет сделали?

– Конечно. На первую полосу пойдет.

– Я не знаю, на какую полосу пойдет, но я ради вас побрился, ребята. Можете озаглавить статью «Арлазоров в застенках у судьбы».

О природе смешного и грустного

– Ян, расскажите, в чем состоит природа смеха. Что и почему смешит человека?

– А я природу смеха совсем не понимаю. Сам не знаю – и что это такое?

– Но вы прекрасно оперируете ею. Благодаря вам на эстраде появился новый жанр, назовем его «Эй, мужик». Вы должны войти в энциклопедию юмора.

– Ну, во-первых, спасибо вам, вы – единственный человек, который вспомнил, что это с меня началось. Я вообще не встречал никого, кто хотя бы об этом сказал. Вместо этого многое крадут (мне не жалко, если б они делали это лучше меня). Я ушел просто от чтения монолога на эстраде – это факт. После меня уже все пошли в зал: кто-то теперь выводит из зала мужчину и с ним ложится на сцену, кто-то идет в зал и просто делает вчистую мои номера. Я даже об этом говорить больше не хочу, потому что те, кто это видит, спрашивают меня: «А чего это он твой номер взял?» Я, наверное, был бы миллионером, если бы мое авторское право было узаконено.

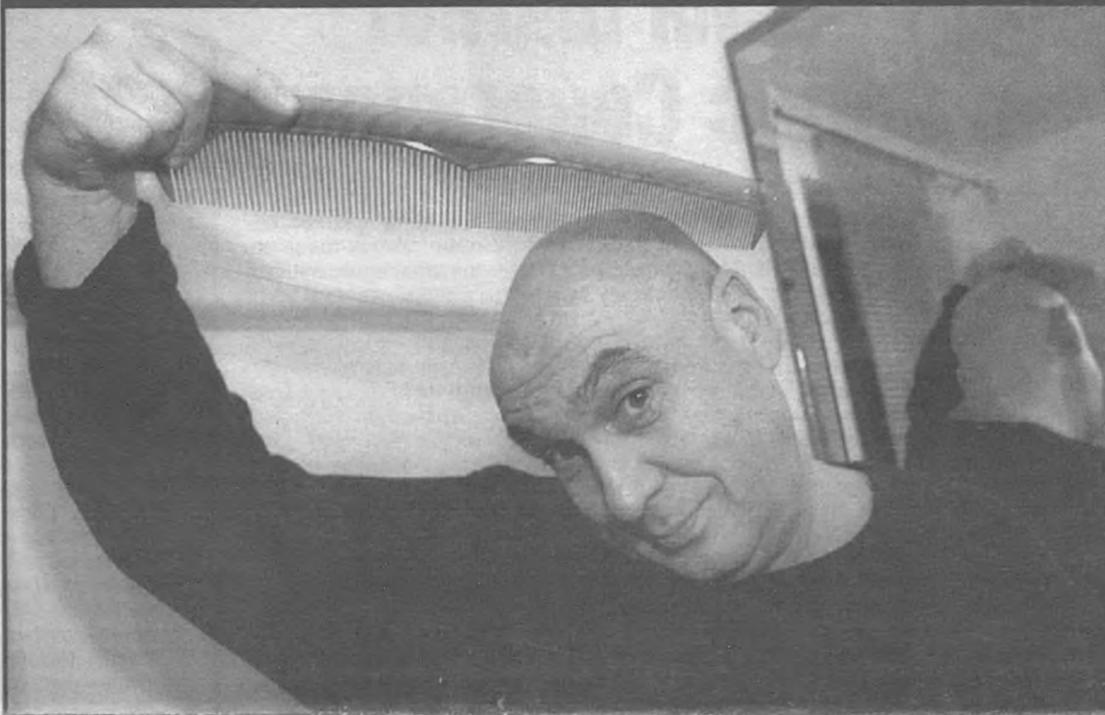
– То, что вы начали делать на эстраде, было абсолютное новаторство.

– Да, мне кажется, я разрушил некий стереотип. Колонный зал, выступает симфонический оркестр, хор с песней о родине, потом балетная пара и, наконец тот, ради кого все и пришли, – кто-нибудь из речевиков. И когда в этом зале перед микрофоном я начал дергать зрителей: «Эй, мужик...», или «Ты будешь левое крыло самолета...», или «Слушай, я приду домой, Нинка меня спросит: «Почему ты дома не ночевал?» – я ей отвечу, а ты со стороны посмотри, естественно я ей отвечу или нет»... Если я вам начну перечислять, скольким людям я дал «путевку», может быть, это будет нескромно, но это правда. У меня много придумок. Раньше артисты отличались друг от друга только текстом репризы. Вы знаете, я застал еще эстраду, когда она была полна Артистами: Утесов, Райкин, Бернес...

Марафонский забег Яна Арлазорова

Галина Смирнова, фото Виктора Смольянинова

Заснеженная, почти сказочная дорога с распушенными рождественскими елками по обеим сторонам уносит нас в сторону от Москвы. Мчимся в гости на рождественский ужин на дачу к известному эстраднему артисту и, как оказалось, затворнику Яну Арлазорову. Нам обещан сюрприз. В итоге их будет много. Во-первых, Ян неожиданно побрился наголо, что было ему очень даже к лицу. Теперь он может играть роли римских цезарей. Пospорив немного на эту тему и расчистив снег у его чудного домика, чтобы припарковать машину, мы наконец вошли. Уже в прихожей нас настиг изумительный запах мяса, запеченного с чесночком, картошечки и множества других яств, приготовленных ради нашего приезда. Наш фотокор не терял времени даром.

– А мне бы не хотелось оказаться в зрительном зале на месте этого «левого крыла». Очень страшно.

– Очень плохо. Значит, вы не готовы к участию в игре. Сейчас наш зритель уже готов к этому, а в то время, конечно, нет. На Западе, где давно существуют так называемые «стэндап-шоу», люди платят большие деньги, чтобы прийти именно на такой концерт, потому что он не запрограммирован, непредсказуем. И что скажет зритель, как поднимет руку, от этого зависит дальнейшее поведение артиста. И чем круче артист, чем больше он

может импровизировать, тем интереснее это шоу, потому что второй раз вы уже не сможете его увидеть. Оно, как футбол, непредсказуемо.

**Бывают
заученные тосты.**

Но для вас...

Давайте выпьем

за то, чтобы

от вас ушел

этот момент

бесконечного

контроля

над собой, чтобы

в период полового

созревания,

а также смехового

созревания

вы перестали

постоянно думать,

как вы выглядите,

сколько вы весите

**Как Арлазоров
пошел против очереди**

Я же начинал ездить на гастроли еще с Высоцким, с Вероникой Маврикиевной и Авдотьей Никитичной. Они по целому отделению работали, а я между ними. Я был никто. Но мой номер проходил «на ура» даже на стадионах... Когда после Высоцкого объявляли мою

фамилию, никто не хлопал, поэтому свой номер я начинал так: «Вы же, нормально похлопать не можете?» – зато, когда я уходил, был шквал аплодисментов.

Арлазоров пересказывает свой старый номер, пусть скороговоркой, пусть уже с трудом припоминая давнишний текст о том, как некто, стоя в очереди, ожесточенно менял гнилые помидоры на красивые, а потом в упоении схватки с продавцом уже наоборот – красивые на гнилые. «Если один красный взял, то обязан взять гнилой... Ничего, не подавишься – не Рокфеллер... Вдруг я как закричу: «Почему я за свои деньги должен гнилью питаться?» – и как зафигачу помидором в очередь... Думал, все, убьют. Нет, ничего, стоят, облизываются, поняли: раз человек один против очереди пошел – значит, сдурел... (Я хохочу неприлично громко).

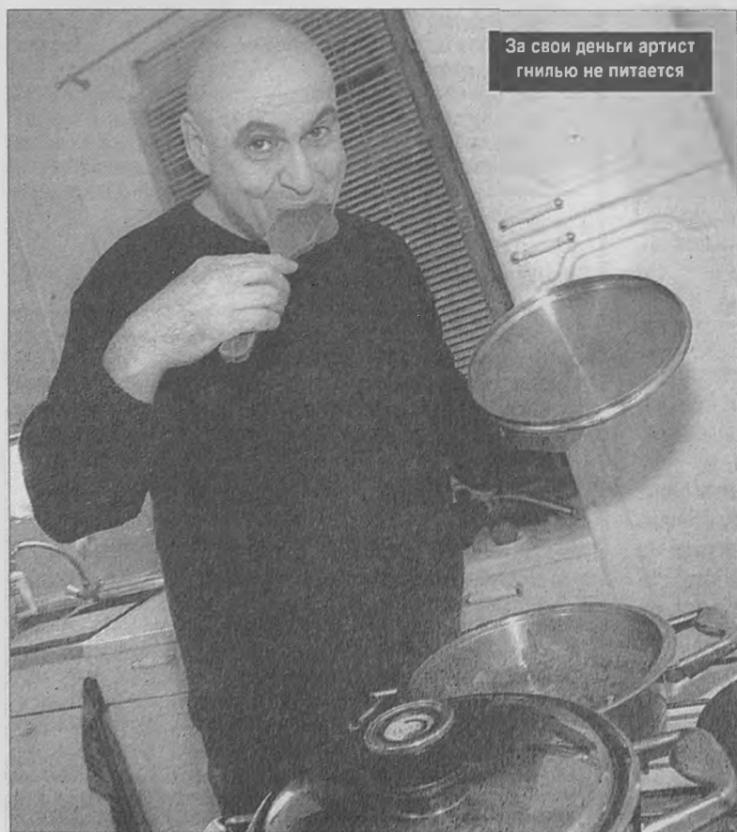
История о взаимном нерасположении

После окончания Щукинского училища Арлазоров пришел работать в Центральный детский театр – в то время один из лучших театров страны. И школу, которую Ян прошел там, он считает бесценной.

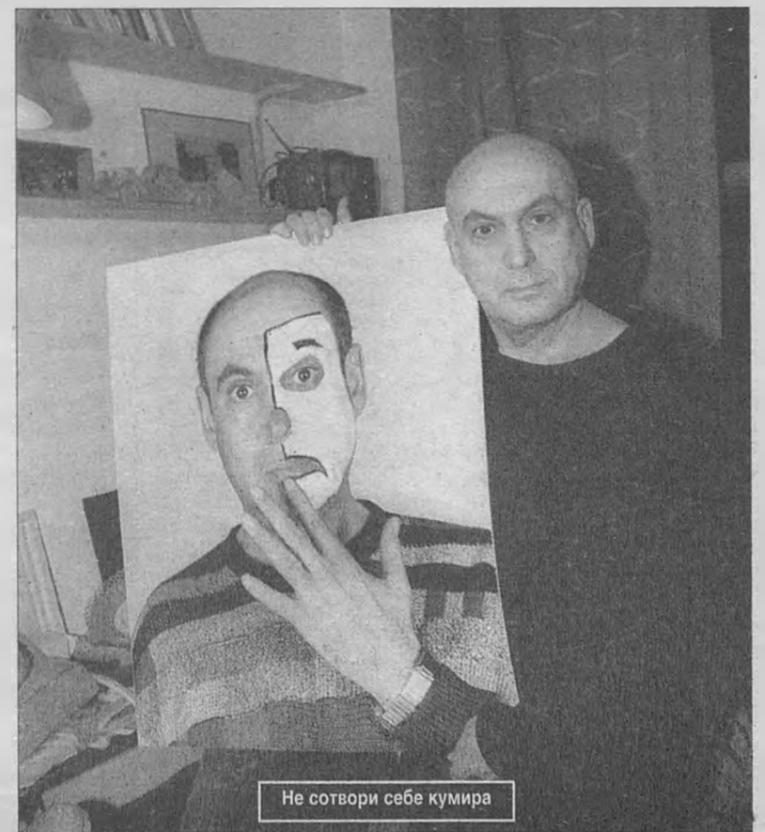
– Это был потрясающий театр, из которого вышли и Ефремов, и Эфрос. Это был не просто серьезный, а суперсерьезный театр. Потому что привлечь внимание детей, которые во время представления с верхнего яруса плюют в нижний, говоря: «Катя, я тут», и стреляют из рогаток... Для этого нужно быть Клоуном, Никулиным. Есть такое понятие, как «каботинаж» (от французского *sabotin* – особая манера игры бродячих актеров). Это – о настоящих артистах, которые могут работать на площади, на вокзале, которые могут где угодно собрать вокруг себя толпу и работать.

Три года работы в замечательном детском театре... Но только однажды после очередного исполнения роли собаки, проглотившей отравленное яблоко в сказке «О спящей царевне и семи богатырях», он в последний раз снял шапочку с собачьими ушками и приклеенный собачий нос. Арлазоров понял, что не хочет больше носить их ни дня.

– Мне казалось, что я ушел из этого искусства навсегда. Сказал, что больше никогда не буду артистом, и собрался идти работать в такси. (Я машину вожу хорошо). Да, я – сын интеллигентных родителей (папа – адвокат, мама – врач)

За свои деньги артист гнилью не питается

Не сотвори себе кумира

Арлазоров Ян